

УДК 811.133.1'373.612'27:159.942.5

О механизме эмотивно-прагматического кода языка

А.А. КИРЮШКИНА

Изучаются окказиональные эмотивы, представленные номинациями ощущений. В связи с этим в центре внимания оказываются проблемы субъективной номинации как результата смещения или потери семантической референции. Эмотивный компонент анализируется с позиции речетворческой деятельности говорящего, поскольку последний – со специфическим видением мира и разнообразными эмоционально-оценочными проявлениями в нем – способен преобразовывать языковую систему в соответствии со своими коммуникативными целями и потребностями, реализуя прагматическую сущность языка.

Ключевые слова: эмоции, референция, вербализация, прагматический код языка.

The study of occasional emotives presented through the nominations of feelings is given. The speech behaviour of the speaker and his emotional-evaluative attitude to the real state of affairs as the subjective perception of the latter proper, and the emotive-evaluative component of the utterance as a result of the speech production of the speaker and his intention – the manifestation of the emotional state, attitude are examined. That is why the problems of subjective nomination as a result of a shift or a loss of semantic reference appear to be in the centre of attention.

Keywords: feelings, reference, subjective nomination, pragmatic language code.

Язык является не только средством познания окружающего мира: материализуя мысль и обслуживая сферы эмоциональной, мыслительной и коммуникативной деятельности, он непосредственно связан с формированием новых мыслей, выражением различных оценок и эмоций говорящего субъекта.

Человек, эмоции, язык – понятия разные, но взаимообусловленные. Поэтому не случайно в центре внимания лингвистической науки в последние годы оказались те свойства языка, которые актуализируются в речи говорящего как активного действующего лица со своими эмоциями, настроением и индивидуальной установкой. Уже не оспаривается тот факт, что «эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения» [1, с. 3], так как люди в своем общении друг с другом не могут обойтись без эмоций. Будучи неотъемлемой частью речевой деятельности и человека в целом, эмоции являются в то же время и одной из важнейших характеристик последнего, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как языковая личность.

С антропоцентрической точки зрения человек, использующий систему языка, сводится к понятию «говорящий субъект»: акцентируется его роль «как главного действующего лица мира, о котором он говорит». Именно активное проявление человеческого фактора порождает «противоречие между «конечностью языка» (системы) и бесконечностью речевых актов и эмоций его носителя» [2, с. 34].

Эмоции как субъективные переживания относятся к наиболее очевидным проявлениям внутренней жизни человека, что остается предметом дискуссий в психологии. Следует отметить наличие разногласий в определении эмоций. Причины последних заключаются в различии концептуальных подходов авторов к данной проблеме. Отправным пунктом становятся вопросы о том, каков круг тех психических процессов, которые можно причислить к эмоциям; каковы условия и причины их возникновения; какие функции им свойственны и т. д. При анализе механизмов языкового выражения эмоций наиболее логичной является следующая точка зрения: человек «переживает то, что с ним происходит или совершается». Именно переживание отношения человека к окружающему составляет сферу чувств или эмоций. Другими словами: «чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания» [3, с. 160]. В данном определении существенны два момента:

1) указание на релятивный характер эмоций (эмоция – это всегда отношение субъекта к кому-либо, чему-либо);

2) акцентирование непосредственности эмоционального переживания.

На наш взгляд, эти две константы составляют сущность «типичной» эмоции, получающей номинацию в естественном языке.

Исследованию эмоций и их отображения в языке посвящено большое количество трудов: работы В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, Л.Н. Иорданской, И.Б. Левонтиной, В.И. Шаховского и др.

Лингвисты, как и психологи, не обходят вниманием определения эмоционального состояния человека: эмоции, относясь к сфере психической жизни человека, представляют собой «переживание человеком отношения к тому, что он познает» (Д.С. Писарев), эмоция – «реакция на те раздражения, которые человек получает от окружающей среды чувством, переживаемым им душевным волнением» (Е.М. Галкина-Федорук); эмоции – «субъективные реакции человека, его переживания, возникающие под влиянием внешних факторов» (В.Г. Гак). По мнению В.И. Шаховского, эмоции отражают «не объективные качества предметов мира, а их значение для деятельности говорящего, и что еще уже – их значение для говорящего в данный момент». Ч. Стивенсон понимает термин эмоция как обозначение аффективного состояния, «особое психофизическое свойство, для которого характерны стимулы и реакции так или иначе ориентированные». Можно сказать, что эмоции – это аффективное состояние, переживание отношения как реакция на реальную действительность.

К этому необходимо добавить, что продуктом «развития эмоций человека» и обобщением «конкретных ситуативных эмоций» становятся чувства, которые «выражают отношение человека к общественным явлениям, другим людям, самому себе» [3, с. 169]. Однако, если эмоции это непосредственные переживания в момент речи, то «чувства представляют собой постоянное, устоявшееся эмоциональное отношение» [4, с. 77]. Отметим тот факт, что так же, как эмоциям, чувствам свойственна исключительная субъективность: «человеческим чувствам нельзя найти никаких аналогов в объективной действительности, ... они имеются в мире постольку, поскольку есть чувствующий индивид» [4, с. 26].

Таким образом, эмоции проявляются как экспликация внутреннего состояния человека, переживаемых им чувств. Вместе с тем, поскольку «мыслительная деятельность не может быть полностью свободной от чувств и эмоций» [5, с. 109], эмоции тесно связаны с мышлением. Человек не существует в отрыве от когнитивных процессов – он постоянно «мыслит» окружающий мир в своем сознании: «*tous les phénomènes mentaux conscients ou inconscients, visuels ou auditifs – douleurs, excitations, démangeaisons, pensées, bref, toute notre vie mentale – sont causés par des processus qui se produisent à l'intérieur du cerveau*» [6, p. 22].

По утверждению психологов, философов и психолингвистов эмоции неотделимы от когнитивной деятельности человека, в силу того, что «любая реальность познается во взаимосвязи логических форм мышления и эмоциональных переживаний человека» [7, с. 19–20]. Т. е. эмоции не сводимы к голой эмоциональности: «Эмоциональность, или аффективность – это всегда лишь одна, специфическая, сторона процессов, которые в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими – пусть специфическим образом – действительность» [3, с. 552].

Сопоставляя когницию и эмоции, Фр. Данеш отмечает, что «когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов», что при всем их различии они являются двумя главными параметрами способности человеческого ума, опыта с личностными и социальными аспектами. Они тесно взаимосвязаны в структуре личности: когнитивные процессы сопровождаются эмоциями, эмоции когнитивно осмысляются [8, с. 280].

Иными словами, эмоции представляют собой «единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» [3, с. 552]. И одни и другие являются, в конечном счете, необходимыми составляющими компонентами конкретной жизни индивида, в которой все стороны психики

задействованы в единстве и взаимопроникновении. На важность когнитивной основы эмоций указывает и Н.Д. Арутюнова: «эмоции базируются на знаниях и предположениях; когнитивный момент в них первичен относительно эмотивного» [7, с. 112]. Вместе с тем, эмоции имеют «двунаправленный характер: они могут не только возникать под воздействием определенных мыслей, но и способны оказывать воздействие на наше мышление» [9, с. 63].

В любом мыслительном процессе, независимо от пропорций, преобладает одна из двух его основ: объективность (рациональность) или субъективность (эмоциональность). Отсюда вывод о двойственной референтной отнесенности знаков с эмотивным значением. Эта двойственность проявляется в том, что эмоционально окрашенная речь одновременно репрезентирует обе стороны когнитивной деятельности человека: логическое мышление (рациональное) и эмоции, которые при их языковом воплощении требуют особого плана выражения. Иными словами, логический и эмоциональный аспекты речи говорящего не являются изолированными друг от друга, поскольку эмоции не исключают мысль.

Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое толкование: эмоции очень непросто перевести в слова. Эта онтологическая трудность порождает трудность лингвистическую: говорящему субъекту нередко крайне затруднительно «рассказать» о своих чувствах, выразить переживания в речи. В.Г. Гак приводит высказывание Дидро о том, что «слов почти никогда не хватает для того, чтобы точно передать то, что чувствуешь» [10, с. 89]. Используемые слова оказываются недостаточно яркими или неверно отражающими переживаемые эмоциональные состояния и их оттенки.

Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий обращается к знаниям, которые по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственно возможными становятся такие приемы объяснения: говорящий указывает адресату на уже известную ситуацию, в которой данное явление обычно возникает или «он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату» [11, с. 28].

Поскольку язык – это «специфически» организованная система с «двукратным, двойным означиванием ее единиц» [2, с. 18], то основное онтологическое свойство лингвистического знака раскрывается в двуплановом модусе его существования – в языке как системе виртуальных знаков и в речи как реальном функционировании этой системы.

Для передачи эмоционального состояния и отношения в системе языка существует особый пласт эмотивной лексики: ее использование является нормой. Постоянное и активное использование системы языка в различных речевых ситуациях неизбежно переносит центр тяжести на речетворчество говорящего субъекта, его коммуникативную установку. Нередко потребность говорящего высказать свои чувства в конкретном общении наталкивается на отсутствие лингвистических возможностей лексико-семантической системы. В этом случае семантическая детерминированность организации лексики языка, становится «препятствием» для речевого выражения. Данный факт раскрывается в том, что лексические единицы, непосредственно обозначающие чувства и эмоции, с субъективной точки зрения говорящего часто оказываются семантически и экспрессивно «недостаточными» для того, чтобы в момент речи передать «накал» его эмоционального состояния.

Стремление говорящего «победить язык» проявляется в том, что «интеллектуальность» как порядок языка подчиняется эмоциональности речевой ситуации» [12, с. 5]. Вместе с тем, говорящий субъект не изобретает новые слова, а использует фонетический облик уже существующих единиц в функции имени нового означаемого. Первичный языковой материал используется таким образом, чтобы он соответствовал принципу «прагматической достаточности» [5]. Создаваемая говорящим эмотивная семантика должна отвечать его эмоциональным потребностям.

На первый план выдвигается эмотивная функция высказывания, тогда как референтивная отодвигается на второй план. Цель субъекта – высказать свое отношение к третьему (отсутствующему) лицу или к реалиям, существующим в мире.

В процессе общения эмоции проявляются как экспликация переживаемых говорящим чувств и ощущений.

Например, сравним ощущение холода самим говорящим:

... *ma lampe d'étude et toute la ferveur de ma foi écartait mal, hélas, la nuit et le froid de mon cœur* [13, с. 85];

ощущение резкости тона третьего лица:

Il sentit, à l'âpreté simple du ton de Vinca, que son propre accent venait de manquer tout ensemble de naturel et de contrition [14, с. 78].

С одной стороны, любое ощущение всегда окрашено «в определенный, чаще всего специфический тон» [15, с. 210] (здесь – *froid, âpreté*), а с другой, «С особенностями переживаемых нами эмоциональных состояний связаны, вероятно, не столько сопровождающие их органические изменения, сколько возникающие при этом ощущения» [16, с. 439]. Иными словами, как эмоции сопровождаются определенными ощущениями, так и ощущения имеют определенную эмоциональную окраску. Испытывая потребность выразить отношение к сообщаемой информации, показать подлинность или имитацию эмоций, говорящий употребляет лексические единицы, которые в языке называют такие ощущения.

Говорящий – со специфическим видением мира и своими эмоционально-оценочными проявлениями в нем – способен преобразовывать языковую систему в соответствии с коммуникативными целями и потребностями. Иными словами, способен реализовать прагматическую сущность языка.

В целях достижения наиболее эффективного выражения субъективного «Я», говорящий использует не лексику чувств в ее прямом значении, а те лексемы, которые в момент речи и переживаний ему представляются наиболее эффективными для демонстрации собственной нормы («индивидуального стандарта») оценок. К таким лексемам относятся анализируемые нами номинации ощущений в переносном значении, но закрепленном словарем. Например:

Il ... remontait la rue de Londres quand il vit trotter devant lui une petite femme qui avait la tournure de Mme de Marelle. Il sentit une chaleur lui monter au visage, et son cœur se mit à battre [17, с. 197].

Иногда говорящий сам создает переносное значение:

Il acquiesça de la tête, referma la fenêtre et les vitres tendues de tulle le refoulèrent vers l'abîme nocturne où le remous d'un souvenir s'étirait, noir, onctueux, prélassé [14, с. 78].

Переносное значение является языковым манифестантом психологического состояния говорящего, отражая намерение последнего передать не сообщение, как таковое, а выразить свое эмоциональное состояние, отношение, желание оказать воздействие на собеседника, что переводит высказывание в нереперентную область – область эмоционального отношения говорящего.

Эмоциональное состояние субъекта приводит в действие две взаимосвязанные потребности – высказать эмоциональность своего «Я» в момент речи, и выразить ее нестандартно: вместо *il sentit une émotion* – *il sentit une chaleur lui monter au visage*.

Выбор лексем с переносным значением зависит от говорящего субъекта – от его сугубо индивидуального восприятия окружающей действительности, эмоциональных состояний, ассоциативного мышления, языковых данных и т. д.

«Нестандартное» использование языковых единиц связано с реализацией коммуникативной установки говорящего. Оказиональные эмотивы как речевая номинация состояния субъекта формируют эмотивно-оценочный компонент высказывания, который приводит к смещению событийной референции последнего в непредметную область – сферу чувств и эмоций.

Предпосылкой создания окказиональных эмотивов является тот факт, что говорящий субъект, находясь в эмоциональном возбуждении, в момент речи ассоциативно избирает те лексемы, которые позволят ему наиболее эффективно высказать свое эмоциональное состояние. Раскрывая, таким образом, свое психологическое состояние и воздействуя на собеседника, говорящий субъект использует в речи прагматический (эмотивный) код языка.

Литература

1. Шаховский, В.И. Лингвистика эмоций / В.И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 3–13.
2. Уфимцева, А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований / Н.Д. Арутюнова [и др.] ; под ред. Н.Д. Арутюновой и А.А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1980. – С. 5–80.

3. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 713 с.
4. Бороздина, Г.В. Основы психологии и педагогики : учеб. пособие / Г.В. Бороздина. – Мн. : БГЭУ, 2004. – 384 с.
5. Степанова, А.Н. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы. / А.Н. Степанова. – Мн. : МГЛУ, 2000. – 279 с.
6. Searle, J. Les phénomènes mentaux / J. Searle // Du cerveau au savoir : Conférence. – Reims, 1985. – P. 19–25.
7. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова ; под ред. Г.В. Степанова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
8. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session Papers. – XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10–15 August, 1987. – Berlin, 1997. – P. 272–291.
9. Процко, М.А. Эмоции говорящего и эмотивный компонент высказывания / М.А. Процко // Прагматический и социокультурный аспекты единиц французского языка : сб. научн. ст. МГЛУ ; под ред. А.Н. Степановой. – Минск, 2004. – С. 60–65.
10. Гак, В.Г. Эмоции и оценка в структуре высказывания и текста / В.Г. Гак // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 80–93.
11. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоции / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
12. Богушевич, Д.Г. Принцип прагматической достаточности и структурные характеристики языка / Д.Г. Богушевич // Материалы юбилейной научн. конф., Минск, 21–22 мая 1998 г. : в 3 ч. / МГЛУ. – Минск, 1998. – Ч. 2. – С. 5–7.
13. Gide, A. La porte étroite / A. Gide. – P. : Hachette, 1959. – 177 p.
14. Colette. Le blé en herbe / Colette. – P. : Flammarion, 1989. – 188 p.
15. Мягков, И.Ф. Медицинская психология : учебник для вузов / И.Ф. Мягков, С.Н. Боков, С.И. Чаева ; под ред. И.Ф. Мягкова. – М. : Логос, 2003. – 320 с.
16. Немов, Р.С. Общие основы психологии. / Р.С. Немов. – М. : Владос, 2003. – 687 с.
17. Maupassant, G. Bel ami / G. Maupassant. – P. : Hachette, 1993. – 347 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 19.12.2014